

Пролог

19 мая 1893 года

Пароход «Корнелия» зарывался носом в воду. Море словно обезумело. Волны высотой в крепостную стену с размаху били в борта судна. Корпус корабля гудел и содрогался, как колокол. Ветер безумствовал. Свирепые шквалы взбивали воду, срывали гребни волн, превращая их в потоки водяной пыли и облака соленой пены. Казалось, небеса сейчас рухнут от раскатов чудовищного грома, молнии одна за другой вонзались в кипящую воду; время от времени тучи озарялись изнутри зловещим трепещущим светом.

Капитан Фогиацис пристально всматривался в бушующую тьму. Если его подсчеты верны — а ошибался он нечасто — прямо по курсу судна в опасной близости находилась группа островов Санторини. В этой области Эгейского моря между главными островами архипелага — Тирой и Тирасией — проходило морское течение, причина гибели множества судов. Расположенные здесь острые скалы были прекрасно видны при дневном свете, но ночью и при такой погоде представляли смертельную угрозу.

Димитриос Фогиацис был опытным капитаном. Из-за его абсолютно седых волос и бороды с серебристой проседью коллеги-моряки прозвали его Белым

Медведем. Он славился умением сохранять хладнокровие даже в самые критические минуты, однако этот шторм, видимо, решил серьезно испытать его вошедшую в поговорку невозмутимость.

Застыв на мостике в напряженном ожидании, капитан перебирал бусины кипарисовых четок. «Главное сейчас, — твердил он себе, — не терять самообладания». Пока груз в трюмах на месте и шторму не удалось сорвать крепления и крышки трюмных люков, ничего не случится. Пятьдесят тонн железнодорожных рельсов, которые его корабль должен был доставить на Крит, лежали под палубой «Корнелии». Судно уверенно сохраняло остойчивость, и пока не было заметно ничего похожего на крен.

Однако полагаться только на прочность креплений не стоило, и капитан отправил вниз молодого штурмана, чтобы тот еще раз проверил все до мелочей и убедился, что трюмные помпы для откачки воды исправны, а паровая машина работает как часы.

При новой вспышке молнии на палубу обрушился гигантский вал, захлестнув потоками пены иллюминаторы на капитанском мостике. Белая масса, медленно сползающая по стеклу, ухудшила и без того отвратительную видимость.

Где же этот проклятый маяк? Он должен был показаться уже давно.

Следующая мысль капитана была о том, что ему следовало бы прислушаться к своему внутреннему голосу и отказаться от рейса с этим грузом. Еще с утра

на западе появились плотные облака, которые постепенно заволокли полнеба. Над морем повисла тяжелая духота. Когда разразился шторм, корабль уже был далеко в открытом море. Сыграло свою роль и то, что Ставрос Никомедес, владелец «Корнелии», пообещал капитану двойную оплату за рейс. В последние месяцы бесследно пропали три корабля судоходной компании, и ее дела основательно пошатнулись. Однако грузы следовало доставить в срок, а Фогиацис был одним из тех, кто рисковал выходить в море в любую погоду. Но зачем деньги мертвецу?

Краем глаза капитан заметил, как возвращается его помощник. Штурман попытался задраить трюмный люк, но ветер снова и снова вырывал крышку у него из рук и прижимал к палубе. После нескольких тщетных попыток это ему, наконец, удалось. Он закрыл засов и стал пробираться к мостику. Шел он согнувшись, цепляясь за лееры и поручни. Метр за метром штурман пробирался по палубному настилу, на который обрушивались тонны соленой воды. Когда он все-таки добрался до трапа, ведущего на мостик, Фогиацис заметил вдали мерцающий световой блик.

Маяк. Наконец-то!

Несколько левее, чем капитан предполагал, но все же избранный им курс оказался верным. Неплохой новостью было и то, что от пролива пароход отделяло значительное расстояние, а следовательно, можно было не опасаться, что течение понесет судно на рифы.

Фогиацис испытал облегчение. Если они благополучно минуют Санторини, то до самого Крита перед ними будет лежать только открытое море. Ни рифов, ни скал, ни островов. Он прикоснулся губами к четкам. Его молитвы все же были услышаны наверху.

Он повернул штурвал, принимая правее, и направил «Корнелию» по широкой дуге вокруг острова Тирасия. В это мгновение дверь рубки распахнулась, и в нее ввалился мокрый насквозь помощник.

— Закрой дверь! — гаркнул Фогиацис. — Ты погубишь мои навигационные инструменты.

Юноша поспешил выполнить приказание и отработовал:

— Все в полном порядке. Машина под полными парами, груз на месте, насосы исправны. Я проверил все вплоть до тросового отделения. Неполадок нет.

— Отлично, — сказал Фогиацис. — Очень хорошо. Как дела у «воронов»?

«Воронами» по средиземноморской традиции называли кочегаров, которые изо дня в день трудились в машинном отделении, подбрасывая уголь в огненную пасть паровой машины. На «Корнелии» их было четверо.

Помощник ухмыльнулся:

— Вроде бы неплохо. Правда, двоих выворачивает наизнанку из-за болтанки, но в остальном все нормально. Я сказал им, что нам потребуется полная мощность, если мы хотим благополучно выбраться из шторма.

Фогиацис засмеялся и похлопал юношу по плечу. Парень обещает со временем стать настоящим моряком. Когда он сам состарится, то сможет со спокойным сердцем передать ему капитанские полномочия. А до того успеет научить его всему, что знает.

«Неплохо бы сейчас набить и раскурить трубочку», — подумал капитан, но в ту же секунду его внимание привлекло нечто такое, что привело его в полное недоумение.

— Дьявол! — выругался он. — Что это там за паршивая чертовщина?

— Что-то не так? — встревожился помощник.

— Этот свет, там, впереди... — Фогиацис указал в том направлении, где впервые заметил проблески света. — Маяк должен находиться совсем в другом месте.

Помощник бросил быстрый взгляд в кипящую за бортом преисподнюю.

— Нас развернуло, верно?

— Я бы сразу это заметил. Но «Корнелия» точно держит курс. Только что маяк находился слева, и вдруг он уже справа. Ничего не понимаю!

— Может, там какой-то корабль?

— Без ходовых огней? Что за корабль? Кроме того, гляди — он мигает. Я уже два десятка лет хожу этим маршрутом. А маяк на Тирасии могу узнать среди тысячи других.

Помощник наклонился, вглядываясь в слабо освещенную картушку компаса.